Аксаков Иван Сергеевич Обозрение 1882 года aksakovivan.ru Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке http://aksakovivan.ru/ Приятного чтения!

Заканчивая нынешним № годовой круг нашего издания, скажем несколько прощальных слов и истекающему 1882 году. Без радости и без печали расстаемся мы с ним и вступаем в новый – как рабочие, переходящие от будней к будням. Да, для нас настали будни – серые, рабочие, тяжелые будни, – о праздничных радостях пока нечего и думать. Но нечего и предаваться чувству безнадежности и тоски, кричать на всех перекрестках пред всем миром: "Мы в унынии" – и аттестовать себя самих и все русское общество – как духовно-несостоятельных. Пора наконец перестать жить самообольщениями и порывами, увлекаться блестящей сценической обстановкой, довольствоваться поверхностью, хлопотать о венцах здания, не достроив даже фундамента, и постоянно забывать, что

...если Божий храм художник создает, Потребен каменщик с испытанным терпеньем: Он жизнь творению художника дает Работы мертвой исполненьем!

Да, нам нужно мужественное терпенье, нужна покорная готовность делать скромную и скучную работу каменщика. Это всего труднее для нашей славянской, особенно русской природы. Нам, как мы уже однажды говорили, несравненно легче взять приступом неприступный Каре, перевалить зимою чрез Балканы, вопреки всем ученым теоретическим доводам величайших военных авторитетов, чем засадить себя за мелочной, невзрачный, ежедневный труд, для которого вовсе и не требуется развернуть во всю ширь нашу мощь и отвагу! А история предъявляет нам теперь запрос именно на такую работу, где не приходится припевать, хотя бы только в переносном смысле: "Раззудись плечо, размахнись рука" (как, например, поступают наши радикалы-нигилисты в области мышления), но где, напротив, нужна не заносчивая, а глубокая дума, изучение, исследование, самообличение, и главное самовоспитание, а также и самовоздержание в меру потребностей настоящей минуты и исторического, всегда медленного процесса.

Лихая тройка несется по рвам-долам, выбирая путь самый кратчайший, и вдруг, стой! - увязла в топи, в грязи невылазной. Как ни могучи кони, - ни шагу с места. Приходится их распрячь и посылать за рабочими, чтоб чинить дорогу, и пока не починишь дороги (на что требуется много труда, много времени), нельзя и тронуться в путь, к крайней досаде нетерпеливых, удалых седоков. В таком положении отчасти и мы. Есть и другое сравнение. Человек получил богатое наследство, самые широкие и благодетельные затеи роятся в его голове: только бы, казалось, приступить к делу, - а тут, откуда ни возьмись, векселя, предъявленные ко взысканию: наследство оказывается обремененным долгами, старыми, забытыми долгами, по которым нельзя не расплатиться, нельзя приступить ни к какому иному предприятию - "дондеже воздаси последний кодрант"! У нас теперь в особенном ходу обращаться с упреком к настоящему дню и прославлять период времени с 1855 по 1881 гг. но забывают, что этот, вечно памятный великими и славными деяниями период и сам не уплатил многих старых унаследованных им долгов, да и натворил новых великое множество. Он, между прочим, передал вместе с наследством новому периоду и сугубую, или вернее сказать, трегубую скудость: финансов, людей и идей. Казна наша не в порядке; людей, на таланты которых смело бы возлагались упования всей России, совсем почти не видно; идеи - общей, цельной, - программы ясной, определенной, бесспорной, которая бы могла вызвать, сосредоточить, привлечь дружное содействие всех умственных и нравственных сил России, также пока нигде, ни в правительственной, ни в общественной среде, не имеется, - но зато какое богатство мнимых сил, всевозможных лживых призраков, фальшивых вкусов, аппетитов, вожделений и всяческого недомыслия! Оказывается нужным, прежде всего и пуще всего, привести в некоторый порядок наши средства или наши финансы, отыскать людей или дать время явиться и воспитаться талантам или по крайней мере деловитым, способным деятелям, а главное - выяснить в общественном нашем сознании самую цель, к которой следует нам стремиться, одним словом - ту русскую национальную идею, которая бы всех нас привела к согласию и дружному действию, - чем самым определилась бы и облегчилась задача и самого правительства.

Но уже и то благо в деле расстроенного хозяйства, когда хозяева берутся наконец за ум и вместо того, чтобы зажмурясь мечтать, как гоголевский Хлобуев, о разных фантастических предприятиях, решаются взглянуть своему положению прямо в глаза и прежде всего привести в известность долги с твердым намерением заняться уплатой.

Аксаков Иван Сергеевич Обозрение 1882 года aksakovivan.ru Для некоторых натур, и именно для нашей, такая решимость нелегка и требует особенного напряжения и своего рода мужества. Такой момент - еще не бодрого, веселого упования, а именно отрезвления начинается, кажется, и для нас. Вот, в сущности, главный и поистине благой результат 1882 года, если мы только не ошибаемся в своих выводах. Русское общество, сдается нам, трезвее теперь, к концу года, чем было в его начале, - и поводов к тому было не мало. Смерть Скобелева - самое тяжкое событие 1882 года - лишила нас личного мощного дарования и сильного духа и своею преждевременностью как бы призывала к развитию и подъему наших собственных сил без расчета на случайность высших личных даров. Но для общественного сознания несравненно назидательнее были некоторые другие уроки. В начале года, например, казалось к общему утешению, что петербургская бюрократия всенародно признала себя не только не всеведущею, но даже малосведущею, именно в вопросах, касавшихся внутреннего земского строя. В столицу русской империи (еще до сих пор находящуюся чуть не за русской границей), то есть в Петербург, были созваны не без торжественности, под названием "сведущих людей", разные земские, более или менее известные и опытные дельцы, не из чиновников, напротив – независимого общественного положения – для участия в обсуждении некоторых важных правительственных проектов и задач государственного хозяйства. Ревностно принялись они за работу. О ходе их занятий печатались подробные отчеты в "Правительственном Вестнике"... И вдруг - как рукой сняло. Заседания сведущих людей, еще не окончивших порученной им работы о переселении, должны были возобновиться осенью, но не возобновились, даже и без всякого о том предварительного оповещения и разъяснения. Точно "сведущие люди' как и их труды, равно и возбужденные их призывом общественные ожидания, канули в воду.

все это чрезвычайно отрезвительно. Не явно ли, что этот эпизод со "сведущими" был только случайностью, делом убеждения нескольких лиц, а нисколько не всей бюрократической среды; что петербургская бюрократия слишком глубоко коренится в нашем государственном строе, нимало не намерена сдаваться и по-старому упорно признает себя всеведущею? Не очевидно ли стало, что предания и привычки, насажденные издавна, пронявшие насквозь нашу административную формацию и самый быт правящих классов, не могут вдруг улетучиться и не исчезнуть - без замещения имеющей образоваться пустоты чем-нибудь ясно определенным, без предварительной победоносной работы сознания? Всего же отрезвительнее было отношение самого общества к этой первой правительственной попытке освежить бюрократическую храмину приливом свежего воздуха извне и нарушить заколдованный круг бюрократизма введением живого, местного знания и совета. С изумительно детским легкомыслием наша же, именно "консервативная" и "либеральная" интеллигенция обрушилась и на "сведущих людей", чуть не смешав их с грязью, и на самое правительство с упреком за такой, в сущности все же полезный эксперимент, и... добилась восстановления бюрократического полновластия, так как взамен этого эксперимента никакого иного у сей интеллигенции даже в проекте не оказалось. Оказывается, напротив, по признанию, например, самих так называемых либералов, что земство, которое они еще в начале года находили вполне зрелым и компетентным, пригодным хоть сейчас для какого угодно, не то что совещания, но даже и любого европейского "правового порядка", никуда в настоящем своем виде негодно. Sic! Это последнее слово нашей так называемой либеральной партии под конец 1882 и к началу 1883 года. Мы лично с этим спорить не будем, дивимся только, что с нами об этом чуть не два года спорили, и тем менее находим основательным такое со стороны русского общества осуждение первой правительственной попытки воспользоваться содействием людей не из бюрократической среды. Во всяком случае можно только радоваться такому разочарованию значительной части нашего общества в подобных надеждах на свою зрелость и пожелать, чтоб она перестала изнывать в жалобах и пенях или драпироваться чайльд-гарольдовым плащом, а от разочарования перешла бы скорее к плодотворному отрезвлению и к серьезной работе мысли.

Нам кажется, что отрезвление, и даже значительное, наступило и в отношении к другой нашей исторической злобе. Если в минувшем году русская земля была и не совсем еще свободна от нигилистических мерзостей и ужасов предшествующих лет, то все-таки, сравнительно с прежним, политических злодеяний было гораздо менее, а предупредительные меры полиции были гораздо успешнее. Авось-либо Господь Бог смилуется и пощадит Россию в будущем от повторений такого кровавого срама. Но и то уже утешительно, что случаи политических убийств и вообще политических преступлений, бывшие в 1882 году, вовсе уже не производили на общество того оцепенения ужаса, того злого террористического обаяния, которым оно бывало обхвачено в прежнее время и которое было так на руку нашим "политическим"

Аксаков Иван Сергеевич Обозрение 1882 года aksakovivan.ru сорванцам. Чары рушились. Таинственная завеса ниспала, и неведомые грозные силы обличились во всем ничтожестве своего внутреннего содержания, во всем своем грубом нравственном безобразии. Никакая идеализация на их счет уже невозможна, никакому недоумению, двоению мысли – уже нет места. Герои револьвера и динамита, и сами по себе и своими действиями и программами, уже не возбуждают прежнего пряного в публике интереса, а вызывают только всеобщее чувство негодования, мало причастное сожалению и даже чуждое любознательности. Этот результат отрезвления мы признаем также немаловажным. Никто, конечно, не может поручиться в том, что их козням, заговорам и преступным покушениям положен конец, – но обольщать себя возможностью какого-либо влияния на общество (о народе и говорить нечего) или какого-либо сочувствия к себе они уже не имеют права, а обязаны ведать, что их в общественном мнении России постигла худшая из кар, хуже уголовных. Эта кара – пошлость. Они опошлились, и никакая чужая или даже собственная пролитая ими кровь, никакой даже ореол "мученичества" не снимет с их "политического" мундира печати пошлости, с их умственного облика печати убожества.

И в самом деле, - прочтите только три статьи "Наши анархисты", помещенные в "Руси", и обильные в них выписки из различных органов русской заграничной революционной прессы. Даже стыдно становится за таких русских мыслителей: все их рассуждения и доводы были бы под стать разве гимназистам III класса, не старше, да и у тех мыслительные силы зрелее. Нет даже юного энтузиазма, а заученная фразеология ремесла. Это "статисты революции", как выражался во время оно даровитый и пылкий Герцен, - движимые чужою, искуснейшею рукою. Кстати о Герцене: с 1 № будущего года мы начнем печатание в высшей степени интересной полемической переписки с ним в 1864 г. Ю.Ф. Самарина о характере и возможных последствиях его, по мнению Самарина (вполне оправдавшемуся), зловредной заграничной политической агитации...

Светлой полосой в памяти о 1882 годе останется Всероссийская промышленная выставка, - светлой, но не яркой - в том именно смысле, что впечатление, произведенное ею на общество, не отличалось особенною живостью, хотя тем не менее было вполне, по нашему мнению, плодотворно. Несравненно большее впечатление произвели успехи русской промышленности на иностранцев. Мы же, как известно, склонны или к восторженному превознесению своих достоинств, к самообольщению, подчас даже опасному, - или же, что случается с нами чаще, к порицанию, иногда самому дешевому, бесшабашному, всего своего, родного, даже к самооплеванию и самозаушению. На этот раз, однако, первого, то есть патриотически восторженного, пристрастного до ослепления отношения к нашей выставке вовсе не проявилось; но и пристрастие в противоположную, отрицательную сторону было гораздо умереннее, может быть именно ввиду иноземной оценки, которую обвинять в русском шовинизме уже никак не приходится. Благотворным же последствием выставки мы признаем именно то, что русская промышленность завоевала себе, так сказать, право гражданства в нашем общественном сознании, что она оправдала на деле систему покровительственного тарифа и может служить превосходным наглядным аргументом в пользу продолжения этой системы, а также и развития ее по отношению ко многим иным отраслям нашей промышленности. Наконец, на этой выставке в первый раз заявила себя и наша сельская, не фабричная промышленность, так называемое кустарное производство. Нет сомнения, что выставка значительно раздвинула, хотя бы только в сфере экономической, пределы нашего национального самоведения, а это именно то, что нам на потребу.

Много было говорено и писано в нынешнем году о "национальной политике", "национальном направлении" в правительственных мероприятиях, но едва ли не более против, чем за... Это также весьма отрезвительный вывод для тех, которые уверяли, будто злоба дня вовсе не в вопросе о национальном направлении и не в самобытности, – будто принцип национальности и живое народное чувство уже и без того давно возобладали не только в нашем правительственном строе, но и во всей так называемой интеллигенции. Оказывается, напротив, что именно-то в обществе, в сверхнародных, "интеллигентных" классах национальное самосознание наиболее слабо и далеко не доразвилось до силы жизненного творчества; что вообще по этой части мы пред своим народом еще в долгу как в шелку... Одним словом, 1882 год, не будучи нисколько бедственным, дал нам однако же не мало суровых, отрезвляющих вразумлений, подкрепленных еще и тяжким экономическим кризисом, выразившимся во всеобщем торговом застое и в небывалом еще до сих пор падении русского денежного курса.

Что ж! Спасибо за вразумления. Не настолько уж мы дряблы, чтоб предаться унынию или ожидать, что авось как-нибудь "русский Бог", или правительство, словно deus Страница 3

Аксаков Иван Сергеевич Обозрение 1882 года aksakovivan.ru ex machina, выручит нас из затруднения, а мы будем лишь браниться, ныть да бездействовать мыслью, в ожидании какого-то неведомого крупного внешнего дела, - неуспех которого (если бы таковой оказался, что почти несомненно) взвалим опять-таки не на себя, не на свою личную ответственность, а на правительство. Но кем же иным поставляется многочисленный правительственный контингент, как не самими нами? Будь мы сами не то, что мы есть, будь мы не так убоги гражданскою доблестью (воинской нам не занимать стать), будь в нас самих живее и действеннее русское чувство и русская мысль, свободные от рабского подражания чужим образцам, - самые дела наши пошли бы, вероятно, иначе...

Одного только мы желаем и просим у правительства, это - беспрепятственного обмена мыслей в печати. Мы не можем не пожалеть, что истекающий год неожиданными цензурными распоряжениями расстроил ряды наших противников и не только дал им повод причислить себя к разряду будто бы "пострадавших за правду", но и ослабил единственную возможную с ними для нас борьбу - на полной свободе.

До следующего года, читатель...

Впервые опубликовано: "Русь". 1882. N 52, 24 декабря. С. 1-3.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

http://aksakovivan.ru/ Приятного чтения!

http://buckshee.petimer.ru/ Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,

недвижимость. Здоровый образ жизни. http://petimer.ru/ Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет

магазин обуви Интернет магазин

http://worksites.ru/ Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных

сайтов. Интеграция, Хостинг. http://filosoff.org/ Философия, философы мира, философские течения. Биография http://dostoevskiyfyodor.ru/ Приятного чтения!